

Р. С. Ф. С. Р.
МОСКОВСКАЯ
ГОРНАЯ АКАДЕМИЯ

16+

ВАДИМ НЕСТЕРОВ

ДВИНУЛИСЬ
ЗЕМЛИ НИЗЫ - 2

ТОМ 1. ДВАДЦАТЫЕ

Двинулись земли низы

Вадим Нестеров

Двинулись земли низы – 2

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Нестеров В.

Двинулись земли низы – 2 / В. Нестеров — «ЛитРес: Самиздат»,
2021 — (Двинулись земли низы)

ISBN 978-5-532-97457-9

Эта книга - вторая часть романа-мозаики в лицах. Продолжение рассказа о пятерых юношах, живших в 20-е годы в общежитии Московской горной академии, и о людях, которые их окружали. Во втором томе по-прежнему много людей на фоне революции, гражданской войны и строительства первого в мире государства справедливости. Работая над этой сагой о великой мечте и всем, чем она обернулась, я очень старался писать честно и не подсуживать никому. Насколько это у меня получилось - судить вам. _____ Фотографии, использованные в книге, сделаны в начале XX века и находятся в Public Domain.

ISBN 978-5-532-97457-9

© Нестеров В., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Студенты	6
«Колумб»	26
Избиратели	33
Основатели	41
Гидравлик	42
Физик	47
Основатели	54
Ректор	61
«Охотники»	71
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Вадим Нестеров

Двинулись земли низы – 2

Часть третья. Академия

Студенты

Прежде чем перейти к рассказу о событиях, случившихся в Академии после бегства ректора Артемьева, я хочу сказать несколько слов.

В первой части книги я рассказывал большей частью о студентах. Во второй – о преподавателях.

В третьей, которая начнется после этой главы, речь пойдет о тех, и о других – потому что Академия начнет, наконец, работать как нормальный вуз, а нормальный вуз – это неразъемный сплав студентов с преподавателями.

Но я себя поймал вот на чем – увлекшись биографиями конкретных людей, я почти ничего не говорил о студентах Московской горной академии в целом.

Исправляюсь и сразу предупреждаю, что для разговора на эту тему у меня есть другая фотография.

У историков Московской горной академии имеется одно бесценное сокровище – групповой снимок студентов МГА, сделанный зимой 1921-22 годов. Огромная фотография, запечатлевшая множество людей: насколько я понимаю, сфотографировали всех студентов, кто тем зимним утром находился в академии. Я вам ее уже показывал в самом начале – вот она.

На Земле уже не осталось никого, кто мог бы опознать людей на этой фотографии – пусть не всех, но хотя бы большую часть. Поэтому запечатленные на ней молодые люди навсегда останутся безымянными.

Точно так же, как навсегда бесфамильным останется студенчество Московской горной академии. Фамилии и судьбы преподавателей я за два года работы над этой книгой худо-бедно восстановил – кого смог, конечно. Примерно половину, если честно, остальных время успело стереть.

А за студентов я даже не брался, прекрасно понимая объемы этой работы и непомерность подобной задачи. Как бы я не любил выводить людей из темноты, я не готов потратить на это лет 10 своей жизни.

Поэтому все, что я разрешаю себе – иногда, когда книга не пишется, я увеличиваю фотографию и рассматриваю лица этих двадцатилетних ровесников века. Чаще непохожих, но ино-

гда – очень похожих на своих сегодняшних сверстников, гомонящих сейчас за стенкой моего кабинета в аудиториях и коридорах, ограниченных теми же самыми стенами.

Девушек переодеть и накрасить, с парней снять фуражки и шинели, надеть толстовки и современные куртки – хоть сейчас в аудиторию.

Я всматриваюсь в лица, в каждое отдельно, и гадаю – кто ты? Вот ты, ушастый в кепке справа – какая судьба тебе выпала? А ты, красавица в шарфе? Как обошелся с тобой двадцатый век?

Но, кстати, «ушастый в кепке справа», как я недавно выяснил, по крайней мере, Академию закончил. Я его случайно опознал на другой фотографии. Вот он в первом ряду справа восемь лет спустя, в 1930 году, среди выпускников металлургического факультета МГА. Там же, кстати, и Завенягин – шестой слева во втором ряду.

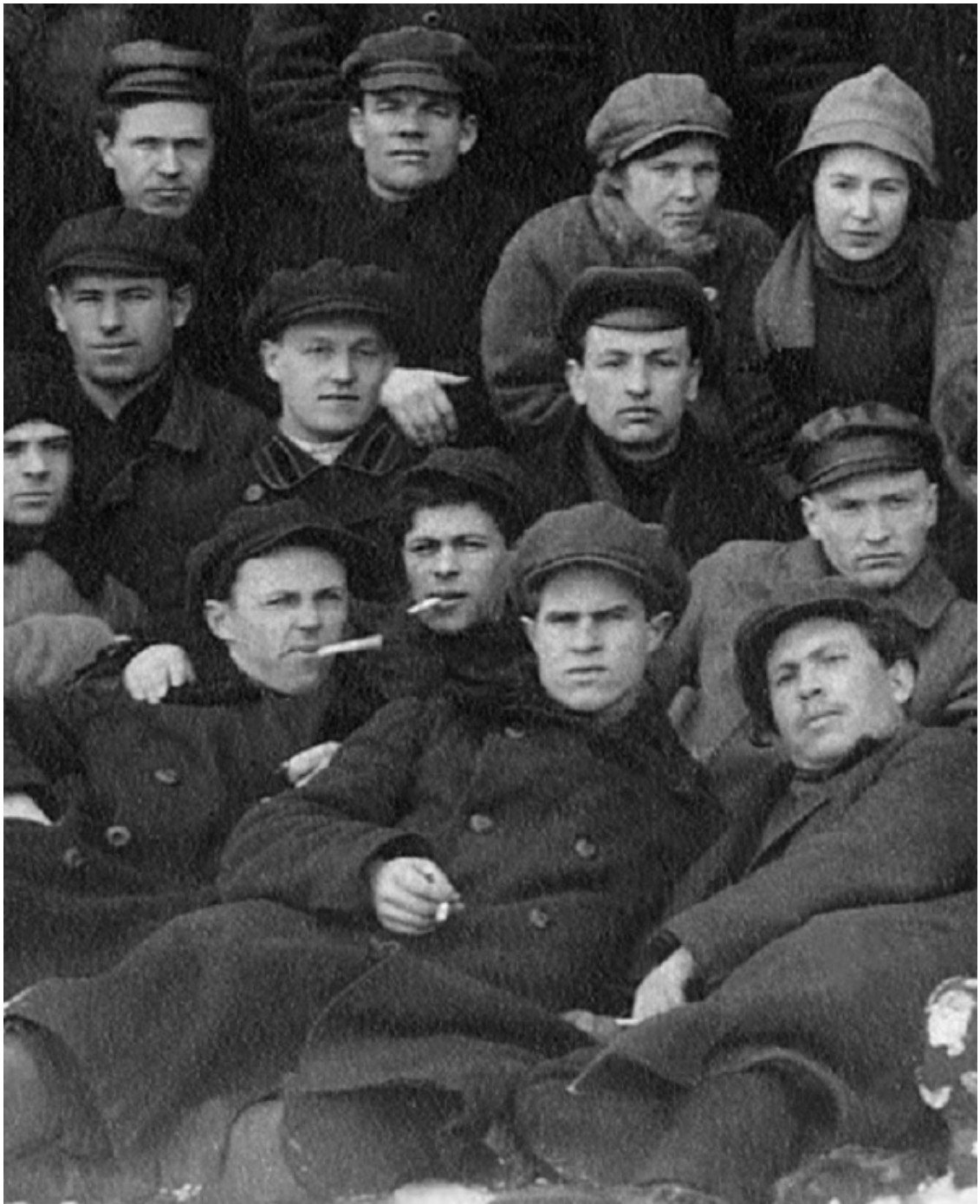
Но это уже тридцатый год, а мы пока изучаем фотографию из двадцать второго.

Там, на этой многолюдной фотографии – герои моей книги. Где-то в этой толпе – бывший кухаркин сын Ильичев и бывший красный командир Языков, будущий председатель профстудкома Сергей Федоров и будущий комендант общежития Боря Некрасов, который еще даже не женился.

Может быть – они где-то здесь.

Или здесь. Я не настолько хорошо знаю их лица, чтобы угадать.

Ниже ежащейся девушки сидит, похоже, Костя Чепиков, о котором речь впереди, но это опять-таки, только предположение.

Нет, кого-то я, разумеется, опознал. Трудно, например, не опознать Тевосяна после того, как изучил несколько десятков его фотографий. Вот он, в центре, в черной папахе.

А вот Алексей Блохин, как всегда – в очках.

Лисья шуба по соседству навевает подозрения всем, знакомым с историей коммуны, объединившей две комнаты в общежитии, но облаченный в шубу студент ни на кого из жильцов этих комнат не похож.

В общем, опознанных единицы. Практически все молодые люди с фотографии так и останутся для меня неизвестными. По самой простой причине – даже тех, кого я знаю, я знаю только по фамилиям.

И почти никогда – в лицо.

Даже те, кто прожил не самую рядовую жизнь, не всегда могут похвастаться фотографиями в Сети. Где-то здесь, например, студент металлургического факультета Леня Миллер, сме-

нивший в 1926 году Бориса Некрасова на должности коменданта студенческого общежития в Старомонетном переулке.

Миллер закончил МГА в 1929 году, после выпуска работал инженером на Кольчугинском заводе, с первых же дней занялся изобретательством. Один из первых советских разработчиков биметаллов. В начале 1930-х годов, в условиях тотальной нехватки меди в советской промышленности, стал известен как изобретатель способа производства биметаллической (медно-железной) проволоки. Вот что писали о нем центральные газеты:

«Массовое производство биметаллической проволоки для электропроводов начинается в СССР впервые. До сего времени неизвестен был способ приготовления этой проволоки. Способ этот недавно был найден молодым инженером-коммунистом Кольчугинского завода тов. Миллером. Первая партия проволоки (6 тонн) при испытании показала прекрасное качество. Стоимость тонны проволоки – 779 руб. – на 370 руб, дешевле заграничной. Тов. Миллер передал изобретение заводу, а полученную премию передал на культнужды».

С первого дня Великой Отечественной войны Леонид Евгеньевич Миллер – на фронте, был отозван из действующей армии как необходимый в промышленности специалист. После войны, в 1952 году – лауреат Сталинской премии «за разработку и освоение производства металла высокого качества». Награжден орденами Ленина, Трудового Красного знамени, медалями.

Работал в Главцветмете, Госплане и Государственной комиссии по науке и технике СССР. Последнее место работы – главный специалист отдела цветной металлургии Госплана СССР. Персональный пенсионер, скончался в октябре 1984 года на 81 году жизни.

Ни одной его фотографии так и не нашел. Миллером может оказаться кто угодно.

Может быть этот – с портфелем под мышкой? Или вообще тот, что дернулся и оказался не в фокусе.

Кто вы, черно-белые лица, какой жребий каждый из вас вытащит в великие и страшные годы, выпавшие вашему поколению?

Глаза сама останавливаются на немногочисленных девушках. Кто-то из них, наверное – Фаина Рабинович, уроженка местечка Попеляны Ковенской губернии. Как раз в 1920-м поступила, на фотографии должна быть.

Закончила геологический факультет МГА, три года работала начальником партии в Ленинградском геологоразведочном институте цветных металлов.

Первая женщина-геолог среди исследователей Чукотки и Магаданского края. Участница легендарной Второй Колымской экспедиции, открывшей миру колымское золото – об этих Колымских экспедициях отдельную книгу надо писать.

Там же, в Колымской экспедиции, Фаина Климентьевна познакомилась с будущим мужем, Сергеем Владимировичем Новиковым.

Поженились, стали жить. Фаина руководила Гербинской и Мылгинской геологопоисковыми партиями, была главным геологом Омолонской экспедиции, которую возглавил ее муж.

Вскоре после Омолонской экспедиции их и возьмут – вместе, вдвоем, в Оротукане по дороге в Магадан.

Несколько месяцев оба под следствием в Магаданской тюрьме, оба обвиняются во вредительстве. Удобно, если не расстреляют, а дадут срок – и этапировать никуда не придется.

Оба освобождены после назначения нового начальника Дальстроя и начавшегося после этого пересмотра заведенных дел о вредительстве. Вот только Фаину освободят после смерти полугодовалого сына, погибшего без материнского молока.

Они уедут с Колымы в Ленинград, вместе устроятся работать во Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт с провокационным по нынешним временам сокращением ВСЕГЕИ.

А через два года начнется война. Сергей в 1941 году уйдет добровольцем на фронт, погибнет в 1944-м при освобождении Молдавии. Фаина после начала войны потеряет второго ребенка, умрет от голода в блокадном Ленинграде.

Но это все будет потом.

А пока все стоящие, сидящие и лежащие на этой фотографии – будущие.

Будущий сатирик Дыховичный и будущий посол Шаронов. Будущий лауреат трех Сталинских премий академик Белов и будущий гидрогеолог Силин-Бекчурин, автор монографии «Подземные воды Северной Африки». Будущий Герой Соцтруда Панчев, выгребавший уран

с территории будущей ГДР для Атомного проекта и будущий ректор МИФИ Ланда, водрузивший до этого рубиновые звезды на башни московского Кремля.

Но больше всего здесь будущих инженеров: горняков, металлургов и геологов.

Обычных, незначительных, ничем не примечательных инженеров.

Рабочих лошадок советской индустрии, которые будут тянуть страну через все беды и напасти, выпавшие ей и ее народу в то страшное и великое время, едва не порвут себе жилы – и все-таки вытянут и осияют.

Как братья-близнецы Владимир и Константин Альбокриновы, которые тоже где-то здесь.

В прошлом – бойцы Красной армии, дравшиеся против Колчака, в настоящем – студенты горного факультета Горной академии, в будущем – горные инженеры.

Два обычных инженера с обычными для того времени биографиями, которые даже в Википедии выкладывать бесполезно – снесут за «незначимостью персоны».

Владимир по окончании МГА направлен в трест «Уралнефть». Работал на разведке нефтяных площадей на Урале, в Чусовских городках Пермской области, а также в районах Чердынь, Ишимбаево, Каировка в Оренбургской области, в Сызрани.

В 1937 году в Куйбышеве был арестован. Два года просидел в тюрьме под следствием, в итоге дело прекращено «за недоказанностью преступления». Работал в тресте «Главуглеразведка» начальником производственно-технического отдела. С началом войны, в августе 1941 призван в армию, участвовал в боях на Волховском и Северо-Кавказском фронтах. Демобилизован в ноябре 1943 года в звании инженер-майора.

Владимир Николаевич Альбокринов. Фото из личного дела военных лет.
После войны работал в «Главуглеразведке» и Госплане, был в длительных заграничных командировках в ГДР и КНР. Скончался в 1969 г.

Константин, как и брат, начинал в тресте «Уралнефть». Потом недолго занимался преподаванием – в 1932-1934 годах был ассистентом кафедры геологии нефтяных месторождений Московского нефтяного института. Но производство перетянуло, трудился в тресте «Майкопнефть», с 1937 года – главный геолог треста «Крымгазнефть» в городе Керчь.

Как и брат, попал под репрессии: арестован в Керчи в 1938 году, получил срок по пятьдесят восьмой статье. Отсидев два года, в 1940 году был освобожден и восстановлен в прежней должности.

С началом войны переведен из Керчи начальником геологического отдела в «Саратовнефтьгаз». Позже стал главным геологом объединения, записал на свой счет открытие ряда

нефтяных и газовых месторождений Саратовского Поволжья. Активно участвовал в разработке «Второго Баку» вместе с однокашниками Алексеем Блохиным и Константином Чепиковым, за что в 1944 году награжден орденом «Знак Почета». В 1953 г. переведен на работу в Госгортехнадзор при Совете Министров СССР.

Скончался в 1959 г. Похоронен на старом кладбище деревни Малышево, сельское поселение Кузнецовское, Раменский муниципальный район, Московская область.

Но все это будет потом, а пока...

И пока мы в 1922 году.

Ректор Артемьев бежал за границу, надо выбрать нового ректора, хотя зачем, академию все равно собираются закрывать, переводиться надо, наверное, куда-нибудь, хотя куда – всех закрывают. В общем, будущее туманно, в аудитории холодно, а тут еще зачем-то всех выгнали во двор – фотографироваться...

*Альбомы старых фотографий,
Странички детских дневников,
Обрывки судеб, биографий,
Где дружба, ненависть, любовь.*

*Вполне возможно завтра некто
Над ними деланно зевнет,
Довольно миленькое ретро,
А это был двадцатый год.....*

(в главе использованы стихи Н. Олева)

«Колумб»

Нет, я все-таки скажу пару слов о Колымских экспедициях. Без них рассказ о двадцатых годах в СССР не полон, да и как рассказывать о Горной академии, горняках, металлургах и геологах и не слова не сказать о Дальстрое?

Слушайте.

Билибино – город маленький, пять с половиной тысяч населения.

На гербе второго из трех городов Чукотки – золотые звезды, образующие знак атома.

Золотые – потому что город был создан как поселок золотоискателей, после обнаружения промышленного месторождения россыпного золота в долине реки Каральваам.

Знак атома – в честь построенной рядом с городом Билибинской атомной электростанции, единственной в мире атомной электростанции, расположенной в зоне вечной мерзлоты.

Кроме АЭС, в городе есть школа, два детских сада – «Аленушка» и «Сказка», билибинский краеведческий музей, смотровая площадка с хорошим видом на город и памятник человеку, давшему имя городу – Юрию Александровичу Билибину.

Бюст установлен на огромном 20-тонном валуне, принесенном ледником.

Юрий Александрович Билибин – «отец колымского золота», легенда отечественной геологии и Дальнего Востока России.

Он родился в Ростове Великом – вновь, как и многие мои герои, одновременно с XX веком – в 1901 году. В 1919 году закончил реальное училище в другом великом русском городе – Смоленске. С 19-го по 21 год были Гражданская война и служба в Красной армии. Потом новообразованная Страна Советов сказала: Индустриализация! Нужны инженеры! – и он учился в Смоленском политехническом, откуда перевелся в Ленинградский горный.

В общем, типичная биография ровесника века, родившегося в России.

После института Билибин работал геологом в Якутии, но ему не давало покоя золото Колымы, о котором много говорили, но мало кто его видел.

Став за два года главным геологом базы геологоразведки на Алдане, Билибин добивается отправки экспедиции на Колыму для поиска золота и проверки промышленного значения месторождения. Он был убежден, что именно на Колыме находится «пряжка золотого пояса», протянувшегося от Калифорнии до Амура.

4 июля 1928 года на побережье Охотского моря неподалеку от поселка Ола высадилась Первая Колымская экспедиция.

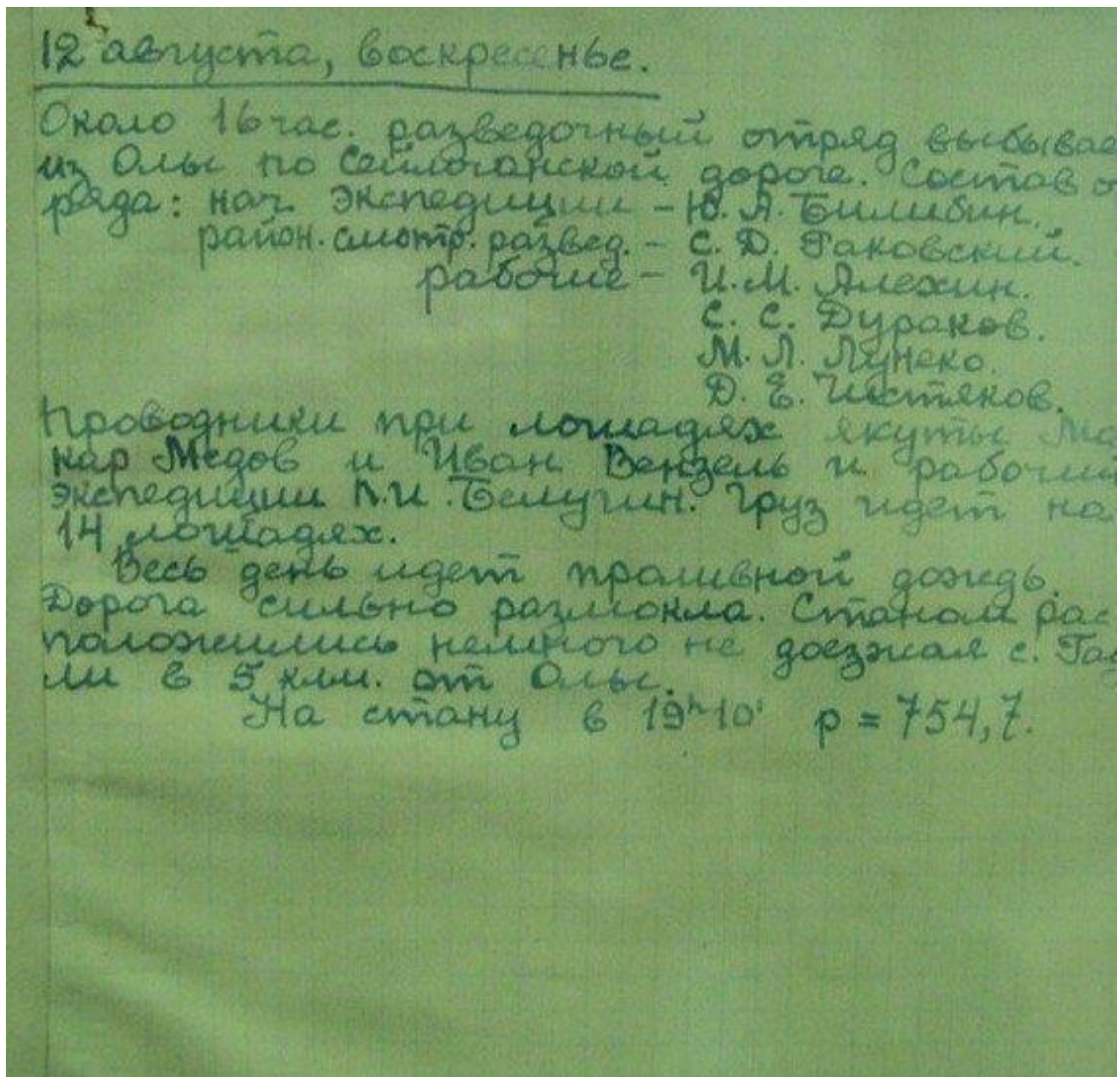

Участники экспедиции во время обследования Охотского побережья, высаживаются на берег:
бухта Гернера, 1928 г., Автор снимка В.А.Цареградский

Она была совсем небольшой: 27-летний Билибин, его первый зам, лучший друг, бывший однокашник и будущий герой Соцтруда Валентин Цареградский (впоследствии возглавивший Вторую Колымскую экспедицию), геодезист Дмитрий Казанли, поисковики Сергей Раковский и Эрнест Бертин, врач Переяслов, завхоз Корнеев, 15 рабочих и проводник-якут.

Вот только это невеликое событие определило судьбу этих территорий на десятилетия вперед.

Билибин стал чукотским Колумбом, правда плывал он, за неимением каравелл, на двух наскоро сколоченных плотках, названных им «Разведчик» и «Даешь золото!».

Страничка из полевого дневника Билибина

Именно билибинская экспедиция и открыла колымское «большое золото».

Второй Колымской экспедицией руководил Царьградский, и она подтвердила наличие на Колыме запасов золота, позволяющих организовывать его промышленную добычу, открыв крупное россыпное месторождение на реке Оротукан.

Геологи Второй Колымской экспедиции в тайге на привале, 1930 г.

А всего через три года после высадки Билибина был создан «Дальстрой» – «государство в государстве», территория с уникальным статусом и собственными законами, где, как сказал Олег Куваев, *«слабый не жил. Слабый исчезал в лучший мир или лучшую местность быстро и незаметно. Кто оставался, тот был заведомо сильным»*.

Все было потом – самая северная золотоносная провинция планеты и колымские лагеря, города Магадан и Сусуман, геологи и ээки, песня «Я помню тот Ванинский порт» и великий роман Олега Куваева «Территория», который не читали только люди, которые сами себе враги.

Когда Колыма в 1936 году дала 33 тонны золота и обогнала Калифорнию, первый директор «Дальстроя» Эдуард Берзин во всеулышание сказал знаменитые слова: *«Вексель Билибина, выданный государству, полностью оплачен»*.

Надорвавший сердце адовой работой на Севере Билибин умрет в 50 лет, в 1952-м от инсульта. Через четыре года, в 1956 году, его именем назовут новый город – Билибино.

А на месте высадки Первой Колымской экспедиции поставят памятный знак.

Избиратели

Меня очень раздражает, когда в жарких спорах о нашем прошлом звучит зачин: «А вот в Советском Союзе...». В каком, простите, Советском Союзе? Союз 1980-х, Союз 1960-х и Союз 1940-х – это три разных общества, между которыми не так уж и много сходства.

Советское государство прожило очень короткий век – в пределах человеческой жизни. Для страны это – ничто.

Непродолжительность, впрочем, компенсировалась значимостью.

XX век в истории планеты Земля – это век СССР. Хотим мы того или нет, но именно глобальный социальный проект, начавшийся в России в 1917 году, стал определяющей доминантой двадцатого столетия от Рождества Христова. И не случайно известный историк Эрик Хобсбаум говорил о том, что – не хронологический, а исторический – двадцатый век был «коротким»: он начался осенью 1917-го и закончился спуском красного флага над Сенатским дворцом московского Кремля 25 декабря 1991 года.

Можно и нужно спорить о том, благотворным был этот эксперимент или вредоносным, объявлять СССР первой попыткой построения рая или адом на Земле, восхищаться этим проектом или истово его ненавидеть.

Но невозможно отрицать очевидное – большинство ключевых событий двадцатого столетия были или инициированы СССР, или напрямую с ним связаны. Бывшая Российская империя едва ли не впервые за весь период своего существования вышла на авансцену мировой истории и оставалась там несколько десятилетий.

Или – «всега несколько десятилетий».

СССР прожил короткую жизнь, но жизнь эта была очень яркой и предельно динамичной. Необходимость играть по навязанным правилам – а правила были очень просты: «мы против всего остального мира» – привела к тому, что страна была вынуждена постоянно меняться. Иногда – очень радикально даже в пределах одного десятилетия. Например, невозможно спутать начало двадцатых с их концом.

Начало двадцатых, несмотря на только что произошедшую радикальную ломку образа жизни миллионов – время невероятной свободы. И в этом аспекте ранние 20-е снова очень напоминают ранние 90-е.

С одной стороны – все уже случилось, все уже рухнуло. С другой – на тебя, копошашегося на развалинах, по большому счету, всем глубоко наплевать, и власти в первую голову. Она занята вещами важными и принципиальными (вроде разделки ликвидных активов в 90-е или разделки властных полномочий в 20-е). Вот на эти поляны лезть категорически не рекомендовалось. Даже «просто посмотреть». Даже поблизости околачиваться не стоило – съедят-с!

Но во всем остальном – да делай ты что хочешь, мужик. Гуляй, дыши носом, лови гусей – не до тебя сейчас!

Ранние двадцатые, как и ранние девяностые – это очень голодное и очень нескучное время. Не все, разумеется, были расположены к этому веселью, но куда ж ты денешься? Времена, простите, не выбирают. Веселись, раз уж выпало на долю.

Все и веселились – истово, до надсаживания глотки, до хрипоты.

Ранние двадцатые были временем бурных споров, дискуссий и исканий. Во всем – от театра до политики.

Красная площадь в 1920-е годы. Фото А. Завенягина.

Московская горная академия в стороне не оставалась. После того, как Артемьев не вернулся из заграничной командировки, в здании на Калужской началось длительное и бравурное шоу под названием «Выборы ректора».

Дело в том, что в то время существовала автономия высшей школы. И ректоров не назначали, а избирали – сложным способом, и от двух курий: профессорско-преподавательской и студенческой.

Я не знаю, что происходило в преподавательской среде, а вот студенты воспоминания оставили – все тот же неутомимый летописец Емельянов-Ядерщик. И, судя по его воспоминаниям, это была славная битва!

Здесь стоит уяснить следующее. Среди студентов, которых я вам показывал в предыдущей главе, людей, подобных моим героям, было сравнительно немного. Убежденные большевики, прошедшие Гражданскую, вовсе не составляли большинство учащихся Московской горной академии. Споры нет, взявшая власть партия с удовольствием отправила бы учиться всех своих сторонников, но этому препятствовал один непреодолимый барьер – базовое образование.

Очень немногие из «волчат Революции» могли похвастаться знаниями в пределах гимназического курса, поэтому большинство молодых ветеранов Гражданской учились не в академиях, а на различных рабфаках, где в них в пожарном порядке вбивали знания. А в академии... В академии учились большей частью дети представителей среднего класса, а то и «бывших».

Как признавался Василий Емельянов: *«Партийная организация в Горной академии была небольшой. Среди студенчества были бывшие члены других политических партий. Мы знали, что студент Зильберблат был меньшевиком, студент Овечкин симпатизировал анархистам и в спорах нередко апеллировал к Михаилу Бакунину. Кое-кто из беспартийных студентов с явной враждебностью относился ко многим мероприятиям партии и правительства. Некоторые из них и не скрывали этого. На вопрос в анкете «Ваше отношение к Советской власти» (были такие вопросы в анкетах того времени) – студент Солнцев писал: «Советской власти не сочувствую, но как специалист работать буду».*

А Завенягин, к примеру, на этот же вопрос ответил: «Готов лечь костыми».

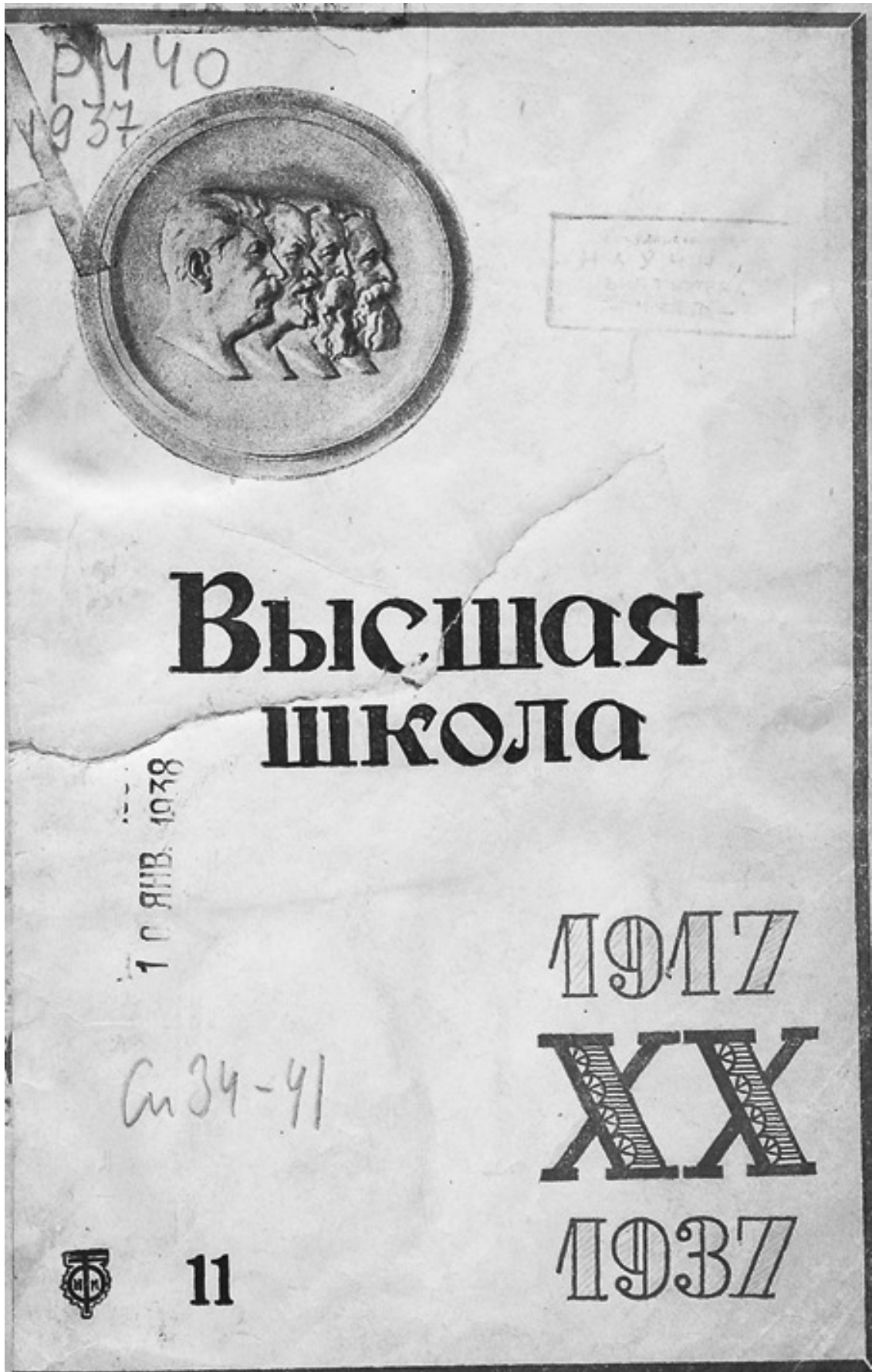
Студенты Горной академии формируют колонну демонстрантов. 7 ноября 1924 года.

Но вернемся к выборам ректора. Партийные студенты поддержали кандидатуру Ивана Губкина, вступившего в партию в 1921 году. Но неожиданно для себя коммунисты столкнулись

с сопротивлением «антипартийной группы». Или, как заметил в мемуарах Емельянов, *«группа реакционно настроенных студентов во что бы то ни стало хотела провалить кандидатуру Губкина»*.

Признаюсь честно – для меня как для историка едва ли не самым сложным квестом при написании этой книги стала попытка дознаться – а кто же был соперником Губкина на тех самых выборах?

Я рылся долго, упорно... и безрезультатно. И вот когда я уже почти опустил руки, я случайно нашел ответ. Знаете где? В ноябрьском номере журнала «Высшая школа» за 1937 год.

Там, между заметкой о том, что в Ленинградском индустриальном институте «банда врагов народа безнаказанно орудовала в течение долгого времени и нанесла ущерб на важнейших участках работы» и статьей профессора И.Г. Шарabrina «Науку трудящимся дал Великий Октябрь» располагался большой материал о Московском горном институте под названием «Созданный декретом Ленина».

А. АНАТОЛЬЕВ

Созданный декретом Ленина

Московский горный институт

Большая Калужская улица. Ряд серых зданий и среди них — Мещанское училище (Московского купеческого общества). Здесь московские купцы «готовили» себе кадры. Здесь готовили приказчиков, конторщиков. Здесь 1500 детей с 6 час. утра до 8 час. вечера подвергались бессмысленной муштре и приучались угодливости начальству, купцам, полам. Это — в прошлом.

Теперь на Б. Калужской в совершенно переоборудованных и расширенных зданиях бывшего мещанского училища находятся: Институт сталин. Сталина, Нефтяной институт, Горный институт.

**

го самоотверженного, идейного, честного, рвущегося вперед, просыпающегося к строительству нового, всего гигантского запаса энергии и талантов так называемого «простонародья», рабочих и крестьян. За ними победа»¹.

В самые тяжелые дни обороны революции от врагов советской власти великий стратег пролетариата Ленин и его верные соратники беспощадно критиковали тех, что был «оглушен могучим крахом старого, треском, шумом, «хаосом» (кажущимся хаосом) разваливающихся и проваливающихся вековых построек царизма и буржуазии»². Несмотря на голод, разруху, гражданскую войну, они видели

И там-то черным по белому было набрано неиспользуемым сегодня шрифтом:

Интересно вспомнить, что вокруг кандидатуры И. М. Губкина на должность ректора разгорелась классовая борьба. По положению в то время ректора избирало общее собрание. Фигурировали две кандидатуры: некий Ишаев, преподаватель, бывший владелец завода, и Губкин. Собрание раскололось на два лагеря: непролетарская прослойка отстаивала Ишаева, пролетарская — члена партии И. М. Губкина. По признанию очевидцев, дело дошло чуть ли не до рукопашной схватки. В конце-концов (после ряда собраний) был выбран чл. РКП (б) Иван Михайлович Губкин — ныне вице-президент Академии Наук СССР.

Ассирийскую фамилию Ишоева предсказуемо переврали, но упоминание о владении заводом не оставило сомнений — за место ректора соперничали именно те два человека, которым Артемьев был готов передать распоряжение финансовыми потоками, то есть, по сути — управление Академией.

Ну а Емельянов в подробностях рассказывает и о том, каким же образом «партийной группе» удалось одолеть «антипартийную» при исходном равенстве сил.

Они просто сделали ставку на пролетариат, и обратились за помощью к штейгерам. Не пугайтесь незнакомого слова, этот термин уже в те времена был архаичным. Штейгерами раньше называли горных мастеров, техников, ведавший рудничными работами.

Дело в том, что в те годы Горная академия давала не только высшее образование. При Академии работали курсы, на которых готовили специалистов профильных рабочих специальностей: буровых мастеров, горных десятников, литейных мастеров, горных рабочих и штейгеров. Учились там, в основном, молодые шахтеры из Донбасса и было их довольно много — общей численностью более ста человек.

„Нам нужны **ТАКИЕ** командные и инженерно-технические силы, которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее на совесть“.

Сталин

„Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства“ (Из речи на совещании хозяйственников 23/VI 1931 г.)

Вот эту вот «рабочую косточку» и привели мои герои на очередное собрание по выбору ректора. Ну а дальше – слово Василию Емельянову:

Увидев иштейгеров, группа студентов, подстрекаемая Зильберблатом, подняла шум. Раздались их возмущенные голоса:

– Удалить со студенческого собрания всех посторонних!

– Кто это посторонние? – спросил, поднимаясь с места и оглядывая крикунов, шахтер с курсов, огромного роста, с кулачищами, как кувалды. – Это вы здесь посторонние. А мы – хозяева.

Шум и перебранка не позволяли приступить к голосованию.

Когда Зильберблат увидел, что большинство голосует за Губкина, он крикнул: «Нам здесь делать нечего – мы не можем признать эти выборы действительными. Я предлагаю покинуть аудиторию».

И его группа под шум, смех и острые реплики ушла с собрания.

Губкин был избран ректором.

Основатели

Губкин был избран ректором, и в Московской горной академии естественным образом закончился первый этап ее существования.

Пятеро учредителей-основателей, как пел Визбор, *«как-то все разбрелись»*. Циглер уволился и уехал в Петроград, Федоровский и Ключанский находились в командировке в Германии, Артемьев стал невозвращенцем, а немногим позже ровно тот же кунштюк повторил и последний из учредителей – металлург Яков Яковлевич Энслен.

Он выбил себе командировку в Германию и остался там навсегда. Последняя пометка в его личном деле в МГА сообщает о том, что из командировки Яков Яковлевич не вернулся, по этой причине он исключен из списков преподавателей Академии.

Зато в адресной книге Берлина (Berliner Adreßbuch) появляется профессор и дипломированный инженер Jacob Enßlen, живший сначала на Корнелиусштрассе, 13, а потом на Гаштайнер Штрассе, 11. Последний раз о нем упоминается в 1943 году, во время страшной войны на уничтожение между его бывшей и нынешней Родинами. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Надо сказать, невозвращенчество в конце 20-х случалось частенько, и продолжалось до 30-х годов, пока Советская власть не запечатала это окно, выпустив 21 ноября 1929 года постановление ЦИК с говорящим названием «Об объявлении вне закона должностных лиц – граждан СССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в СССР».

Да, и в Московской горной академии – такое тоже периодически случалось.

Вот только две судьбы.

Гидравлик

Адриан Васильевич Дейша, профессор кафедры гидравлики Московской горной академии.

Сын известной оперной певицы, солистки Мариинского и Большого театров Марии Адриановны Дейши-Сионицкой.

М. А. Дейша-Сионицкая и Ф. И. Шаляпин на групповой фотографии артистов Большого театра. Между 1899 и 1903 гг.

В семье всегда был культ театра, и приемный брат, Николай Георгиевич Каретников, стал известным советским артистом оперетты и преподавателем Московской государственной консерватории. А его сын, тоже Николай, стал известным композитором, одним из крупнейших представителей отечественного послевоенного авангарда. И – причудливо тусуется колода – именно Николай Николаевич Каретников написал музыку к одному из моих любимых фильмов «Бег», который я в этой книге уже упоминал.

Несмотря на семейный культ искусства, Андриан Васильевич Дейша выбрал инженерную стезю.

Он окончил Московское техническое училище (будущую «Бауманку») в 1911 году, после окончания стажировался в Политехническом институте в Карлсруэ (Германия). До революции – профессор Ново-Александровского сельскохозяйственного и лесного института, во время разрухи уехал на юг, осел в Крыму, в 1919—20 годах был профессором Таврического университета по кафедре сельскохозяйственной гидротехники.

После поражения белых за кордон не ушел, остался на Родине, пережил красный террор в Крыму, потом выехал в Москву, где стал профессором Московской горной академии.

В 1924 г. профессор Дейша был отправлен в командировку в Париж Институтом путей сообщения, где он также преподавал. Во Францию отправился со всем семейством, в Советскую Россию не вернулся.

Так тоже бывает: в Крыму 1920-го, где вероятность заплатить за решение жизнью была запредельной – остался, а в мирном и вполне еще свободном 1924-м – уехал.

В эмиграции работал инженером, занимался изобретательской деятельностью. Участвовал в гидравлических изысканиях в Альпах. Профессор Русского высшего технического института в Париже, где с 1933 года читал курс гидравлики.

Стал известным французским ученым русского происхождения, профессором Сорбонны, автором более 30 научных работ, посвященных проблемам чистой механики, гидрометрии и гидрологии. В 1941 г. во время оккупации Парижа был заключен в лагерь, в том же 1941 году освобожден. Скончался 9 ноября 1952 г. в г. Сен-Жермен-ан-Ле, под Парижем, похоронен на местном Старом кладбище.

Его жена, Елена Альбертовна Дейша, урожденная Репман, была хорошо образованной женщиной, выпускницей Высших женских курсов, поэтому до отъезда преподавала на рабфаке им. Покровского – обучала тех самых малограмотных молодых большевиков. В эмиграции увлеклась литературой, стала известным писателем русского зарубежья Георгием Песковым, опубликовавшим около 230 рассказов и повестей.

Псевдоним «Георгий Песков» довольно прозрачен и представляет собой русскоязычную кальку имени «Жорж Санд».

Их сын, французский ученый Жорж Дейша, родился еще в России и при рождении носил имя Георгий Андрианович. Он стал известным геологом, специалистом по первичным флюидным включениям в минералах и горных породах и, в частности, уже в постсоветской России был избран Почетным членом Российского общества минералогии и кристаллографии.

Жорж Дейша на презентации своей книги в Париже, 1969 г.

Несмотря на то, что из России его увезли в 7-летнем возрасте, всю жизнь считал себя русским и даже детей назвал Софией, Игорем и Кириллом. София Дейша, кстати, стала известным православным богословом.

ФИЗИК

Другой невозвращенец – это Геннадий Васильевич Потапенко

. Он был не просто профессором, а заведующим кафедрой физики Московской горной академии.

Геннадий Потапенко принадлежал к тому же редкому типу ученых, что и Владимир Аршинов – «мажоров», всерьез увлекшихся наукой.

Он родился в селе Кимры, ставшем в Советском Союзе городом и прославившимся одноименными кроссовками.

Но вообще-то Кимры еще при Петре Первом считались центром сапожного промысла, а к концу XIX века стали признанной обувной столицей России.

В семье одного из таких обувных королей империи, купца первой гильдии Василия Онуфриевича Потапенко, владевшего несколькими кожевенными и обувными фабриками, и родился будущий заведующий кафедрой.

Это уже второй человек в нашей книге, отказавшийся наследовать бизнес-империю из-за науки. Но Аршинов-старший и Потапенко-старший, несмотря на общий статус первогильдейского купца и почетного гражданина были очень разными людьми.

Аршинов-старший, как вы помните, выбился из низов и стал первостроителем и основателем собственной торговой империи. И это крестьянское прошлое в нем всегда чувствовалось.

В противовес коллеге, Василий Онуфриевич был потомственным купцом и промышленником, унаследовавшим свои фабрики. «Старые деньги» успели изрядно облагородить семейство Потапенко, поэтому даже внешне Василий Онуфриевич представлял собой совсем другой типаж – никаких бород лопатой, никаких золотых цепочек поперек живота.

Нет, это был типичный предприниматель «в стиле модерн».

Василий Онуфриевич сам получил неплохое образование, окончив, помимо прочего, курс в Московском коммерческом училище, поэтому особых восторгов от учебных успехов сына не испытывал – дело привычное.

У Геннадия Васильевича же все шло по накатанной – сначала домашние учителя в Кимрах, потом отъезд в престижную московскую гимназию, затем поступление на математическое отделение физико-математического факультета Императорского Московского университета.

В университете блестящие способности к науке у купеческого наследника в полной мере и проявились. Уже на втором курсе Геннадий Потапенко подготовил научное сочинение «О годичном параллаксе звезд», за которое Совет Университета наградил его серебряной медалью. На четвертом курсе талантливый студент публикует уже несколько полноценных научных статей в ведущих российских журналах: «Фотографирование солнечной короны во время полного солнечного затмения 8/21 августа 1914 года» и «Теория и техника исследования пленочных светофильтров».

Как следствие – весной 1915 г. студента Геннадия Потапенко пригласили поработать без отрыва от учебы – угадайте, куда? В уже знакомый нам московский минералого-петрографический институт «Литогея», к Владимиру Аршинову. Пока лаборантом, а там видно будет.

В «Литогее» Потапенко занимался количественным спектральным анализом, а летом 1916 года Аршинов отправил его в научную командировку в Оренбургскую губернию для изучения модного тогда явления радиоактивности. Итогом стала статья о радиоактивности водных источников Оренбуржья, которая вышла в журнале «Рудный вестник», получила медаль, а МГУ в 1917 году зачел это исследование выпускнику Геннадию Потапенко в качестве дипломной работы.

Потапенко, разумеется, был оставлен на кафедре «для подготовки к профессорскому званию», исследованиями занимался истово, и от науки его не смогли отвлечь даже революция

и последовавшая национализация отцовских фабрик. Кафедра ходатайствовала о назначении оставшемуся без средств Потапенко стипендии, прошение было удовлетворено, а тот в благодарность уже в 1920 году закончил диссертацию «О дисперсии в коротких электромагнитных волнах».

В том же году 26-летний исследователь стал профессором Московской горной академии, где он, как и практически вся «Литогея», преподавал с момента основания вуза.

Научные работы следовали одна за другой, исследования Потапенко внимательно изучали ученые не только в России, но и во всем мире. Наконец, в 1927 году научного сотрудника МГУ 1-го разряда и профессора Московской горной академии Геннадия Потапенко нобелевский лауреат Вальтер Нернст пригласил на стажировку в Берлинский университет.

Геннадий Васильевич съездил, поработал там совместно с Альбертом Эйнштейном и Максом фон Лауэ и вернулся в Россию. В 1929 году последовало приглашение в Геттингенский университет, и в том же 1929 году он, единственный из московских физиков, получил рокфеллеровскую стипендию, которая позволяла в течение года стажироваться в зарубежных лабораториях. Когда всем перекрывали выезды за границу, Потапенко, наоборот, поехал в Штаты по приглашению Калифорнийского технологического института, на стажировку к другому нобелевскому лауреату – Роберту Милликену.

Профессор Московской горной академии Геннадий Потапенко в 1920-х годах, накануне отъезда.

Сразу признаюсь – эмигрантом Потапенко стал не по своей воле, это – работа насмешника-случая. Когда стажировка закончилась, и подошло время возвращения из США в Советскую Россию, оказалось, что из-за Великой Депрессии пароходная компания аннулировала купленный еще полтора года назад обратный билет. Цены на билеты из-за инфляции выросли в несколько раз, и у Потапенко просто не было нужной суммы. И он сам, и оставшиеся в России родственники обращались в МГУ и другие организации в СССР, но вы же понимаете,

как быстро в нашей бюрократической системе происходит выделение дополнительных средств сверх утвержденной и уже закрытой сметы.

После трех месяцев ожидания, не получив никакого ответа из России, и оставшись без средств к существованию, Потапенко принял приглашение ректора Калифорнийского технологического института – того самого нобелевского лауреата Роберта Милликена – о переходе в Калтех на постоянную работу.

Потапенко стал известным американским физиком и изобретателем. Он сконструировал первый источник УКВ с рекордной короткой для того времени длиной волны, при его участии была создана первая линия узконаправленной радиосвязи Лондон-Париж. Американский физик Potapenko оказался одним из изобретателей радара (правда, его работы были долго засекречены) и одним из пионеров радиоастрономии. Он вообще много работал для армии США, в частности, разработал систему охлаждения двигателя бомбардировщиков, что позволило увеличить высоту полетов. По заказу нефтяных компаний Потапенко разработал ряд методов геофизических исследований, применяемых при разведке нефтяных полей – так называемый «э-каротаж».

Профессор Потапенко в 1960-х

Когда из-за возраста здоровье физика ухудшилось и он много времени стал проводить в лечебных учреждениях, Потапенко занялся новой проблемой – изучением влияния радиоизлучения на организмы и бактерии для создания системы асептической очистки воздуха в госпиталях. Всего же он подал 6 заявок на изобретения, посвященные проблеме дезинфекции и 3 заявки на дозаторы. Патенты на эти изобретения были получены также в Великобритании, Канаде и Австралии.

В 1966 г. скончалась его любимая жена Екатерина Ивановна, на которой он женился в далеком 1924 году, еще будучи завкафедрой МГА, супруги прожили вместе 44 года.

Детей им бог не дал, 72-летний профессор остался один, и начал задумываться о возвращении в СССР. Он даже обратился к академикам И. Е. Тамму и М. А. Лаврентьеву, которых помнил еще по физмату МГУ, и попросил содействовать его возвращению.

Но что-то не срослось, и скончался профессор Геннадий Васильевич Потапенко в США. Он похоронен в мавзолее кладбища Форест Лоун в Глендейле близ Калифорнийского технологического института, в котором проработал больше 30 лет.

Так бывает – один аннулированный билет перевел стрелку, как на железной дороге, и жизнь поехала по-другому пути. И довезла вместо «знаменитого советского ученого» до «известного американского физика русского происхождения».

Основатели

После выборов ректора в Московской горной академии началась эпоха Губкина – Академия начала развиваться в том направлении, куда ее разворачивал главный советский нефтяник. Единственный, кто мог бы составить конкуренцию Губкину – это Федоровский. Только у него было достаточно и власти, и влияния, и научного веса, чтобы после возвращения из Германии стать у руля своего детища – Московской горной академии.

И что же Федоровский?

Через год после того, как Артемьев бежал из Советской России, Федоровский туда вернулся.

Берлинская командировка оказалась очень удачной – все поставленные задачи Николай Михайлович выполнил. Даже более того – Федоровский не только успешно наладил взаимодействие между российскими и немецкими учеными, но и вез с собой несколько писем, которые в будущем активно использовались молодой Советской властью в сфере идеологической борьбы.

В частности, именно Федоровский доставил в Россию известное письмо Альберта Эйнштейна русским «комрадам».

«Русским товарищам.

От наших товарищей я узнал, что русские товарищи даже при настоящих условиях заняты усиленной научной работой.

Я вполне убежден, что пойти навстречу русским коллегам – приятный и святой долг всех ученых, поставленных в более благоприятные условия, и что последними будет сделано все, что в их силах, чтобы восстановить международную связь.

Приветствую сердечно русских товарищей и обещаю сделать все от меня зависящее для организации и сохранения связи между нашими и русскими работниками науки.

А. Эйнштейн»

Альберт Эйнштейн. Литография Макса Либермана. 1925 г.

Тогда за грандиозным экспериментом в Советской России внимательно следил весь мир. Для кого-то этот эксперимент был покушением на основные принципы человеческого существования, для других – надеждой на альтернативное и справедливое мироустройство. Так или иначе – за происходящим в России следили все, равнодушных почти не было.

С Эйнштейном они встречались в январе 1921 года, и Федоровский был первым коммунистом, с которым познакомился гениальный физик. Вот что писал об этой встрече В.Е. Львов в своей книге «Жизнь Альберта Эйнштейна».

В воспоминаниях одного из свидетелей этой встречи записано: «Свидание с А. Эйнштейном... Смелое и открытое доброжелательство (Эйнштейна) к нам. Приветственное письмо...».

Гость сидел в кресле перед Эйнштейном, немного сгорбившись и щурясь от яркого солнечного света, бывшего через окно. Эйнштейн смотрел на него с удивлением: перед ним был большевик, первый русский большевик, которого он видел рядом с собой! Так вот каковы эти люди, о которых рассказывал ему Роллан: «тесто Сократа, Кромвеля, Робеспьера...» Нет, пожалуй, сходства здесь не было ни с первым, ни со вторым, ни с третьим. История не повторилась и вылепила нечто совсем, совсем новое. Сильные костлявые плечи и руки, может быть тянувшие когда-нибудь баржу, ту самую, которая изображена на картине Репина. И бледный лоб ученого. Застенчиво улыбаясь, гость на хорошем немецком языке сказал, что солнце совсем ослепило и что он не ждал, что в Берлине зимой может быть такое солнце. Эйнштейн ответил, что в Берлине это бывает. Марго Эйнштейн заглянула в комнату и, поздоровавшись, быстро вышла. Она сказала потом, что выразить это лицо лучше всего можно было бы в темном камне, но даже и в камне было бы трудно – слишком много в нем скрытой внутренней силы.

Бюст Н.М. Федоровского в ВИМСе

Но это все в прошлом. Берлинская эпопея подошла к концу, Федоровский возвращается на Родину, где ему придется строить жизнь заново.

Вернувшись в МГА, Николай Михайлович принял вакантную после бывшего ректора кафедру минералогии и кристаллографии. И на большее, несмотря на статус основателя, не претендовал, добровольно оставив Академию Ивану Губкину.

<p>20. Выписка из протокола № 38 заседания научно-технической Секции ГУС"а, с извещением об отчислении проф. Д. АРТЕМЬЕВА от должности профессора МГА.</p>	<p>20. Отчисление подтвердить. Сообщить в Главпрогобр, что вакантной кафедра не остается, так как кафедра Минералогия и Кристаллография одна и занимает проф. Н. М. ФЕДОРОВСКИМ, а потому об "явлении конкурса на кафедру, сообщение ранее, считать ошибочным.</p>
--	--

За те два года, что Федоровский провел за границей, он напрочь вылетел из обоймы первого эшелона власть предержащих. Вновь играть в «царя горы» Николай Михайлович благо- разумно не стал: и Артемьев своим бегством изрядно подставил, да и возможностей прежних уже не было.

Горбунов хоть и пребывал еще на завидной должности управляющего делами Совнар- кома РСФСР, а затем и СССР, но его влияние после отхода Ленина от дел сильно упало. Да и сам «опасный очкарик» изрядно сдал, очень тяжело переживая неумолимое угасание Ильича.

А смерть вождя вообще стала для Горбунова глубокой личной трагедией. Горбунов, при- ехав в Горки попрощаться, снял с френча самое дорогое, что у него было, – орден Красного Знамени, полученный за храбрость на Гражданской войне – и прицепил его на грудь Ильича. Именно горбуновский орден видели посетители Мавзолея на френче Ленина до 1938 года, когда его заменили орденом, которым была награждена Клара Цеткин.

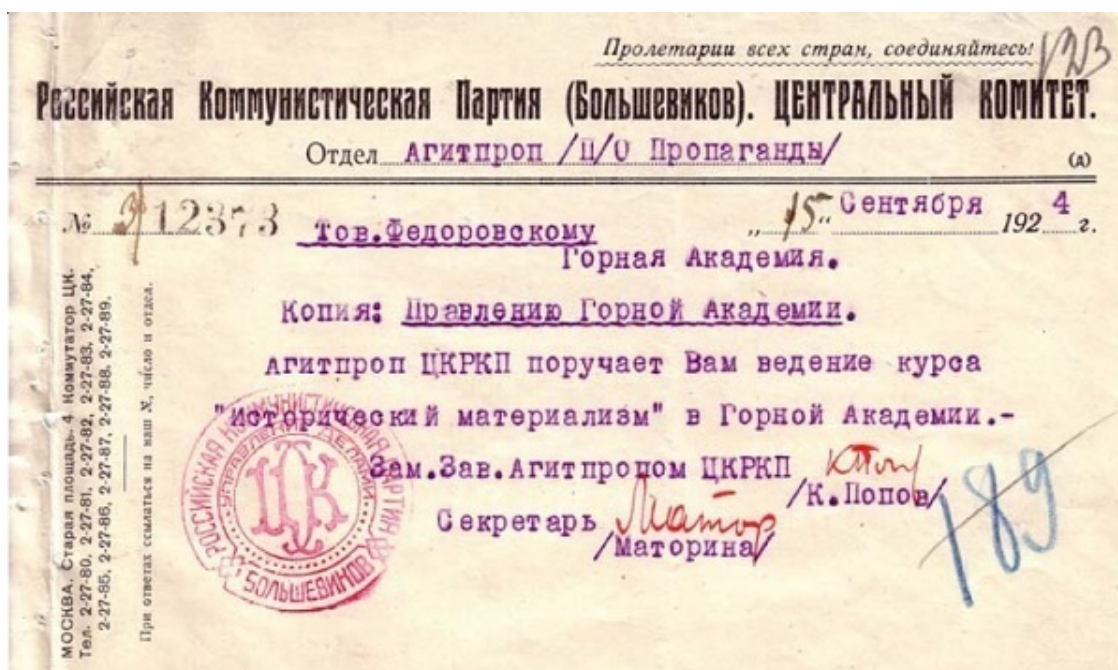
В общем, во власть Федоровский больше лезть не стал.

Хотя возможностей вернуть себе Академию у него было еще достаточно, Федоровский сделал другой выбор. Еще до отъезда, в конце 1918 года он с Г.В. Вульфом организовал «Институт физико-химического исследования твердого вещества», куда, в частности, влился

и национализированный институт Аршиновых. «Литогеа», возглавляемая Владимиром Васильевичем Аршиновым, к возвращению Федоровского оставалась единственным реально работающим подразделением в институте.

На этот институт и сделал ставку Федоровский. Мобилизовав остатки прежнего влияния, он провел в верхах решение о создании на базе аршиновской «Литогеи» крупного минералогического института под названием «Институт прикладной минералогии и петрографии». 20 марта 1923 года Аршинов выступил с отчетным докладом о работе института на заседании Президиума Центрального научно-технического совета ВСНХ СССР, после чего новым директором института был назначен Н.М. Федоровский. Как я уже говорил, Аршинов на удивление нормально принял это решение, на старого товарища обижаться не стал, и в новом институте возглавил петрографическую лабораторию, которой руководил много лет.

Федоровский продолжал преподавать в родной Московской горной академии, причем читал не только минералогию, но и курс исторического материализма – как старый большевик с дореволюционным стажем.

Однако чем дальше, тем больше времени занимал у него институт, который, сменив множество названий, в итоге стал называться ВИМС – Всесоюзный институт минерального сырья.

Как вспоминал в своих мемуарах выпускник Московской горной академии В.Н. Борисевич, Федоровский, выступая перед руководством Академии, «попросил помочь ему в укомплектовании института активными, способными к теоретической работе молодыми специалистами, оканчивающими горную академию. Он говорил:

– Мне нужны и геологи, и горняки, и обогатители, и металлурги.

Просил извинения, что в последние годы редко бывает в академии. Все знали, что Николай Михайлович выполняет еще и важные поручения советского правительства.

И.М. Губкин от имени всех присутствовавших выразил пожелание успешной работы Николаю Михайловичу и создаваемому им новому научно-исследовательскому институту и обещал помочь молодыми кадрами из числа оканчивающих.

Н.М. Федоровский действительно стал очень редко бывать в академии, но «запас прочности» в наших отношениях, сложившихся в первые годы моей учебы в академии, был настолько велик, что при встречах он приветливо мне говорил:

– Здравствуйте, комсомольский вождь! Как успехи?».

В общем, в вечной для всех ученых дихотомии науки и преподавания Федоровский безоговорочно выбрал науку. И, надо сказать, на должность директора НИИ он пришелся идеально, вошел без зазора, как патрон в патронник. И ВИМС под его руководством сделал очень и очень многое, как мало какой другой институт. Сам Федоровский проявил себя не только хорошим администратором, но и серьезным ученым, абсолютно честно заработав в 1933 году звание члена-корреспондента АН СССР.

Но к жизни Федоровского в тридцатые вы еще вернемся во второй книге. А пока – давайте знакомиться с Губкиным.

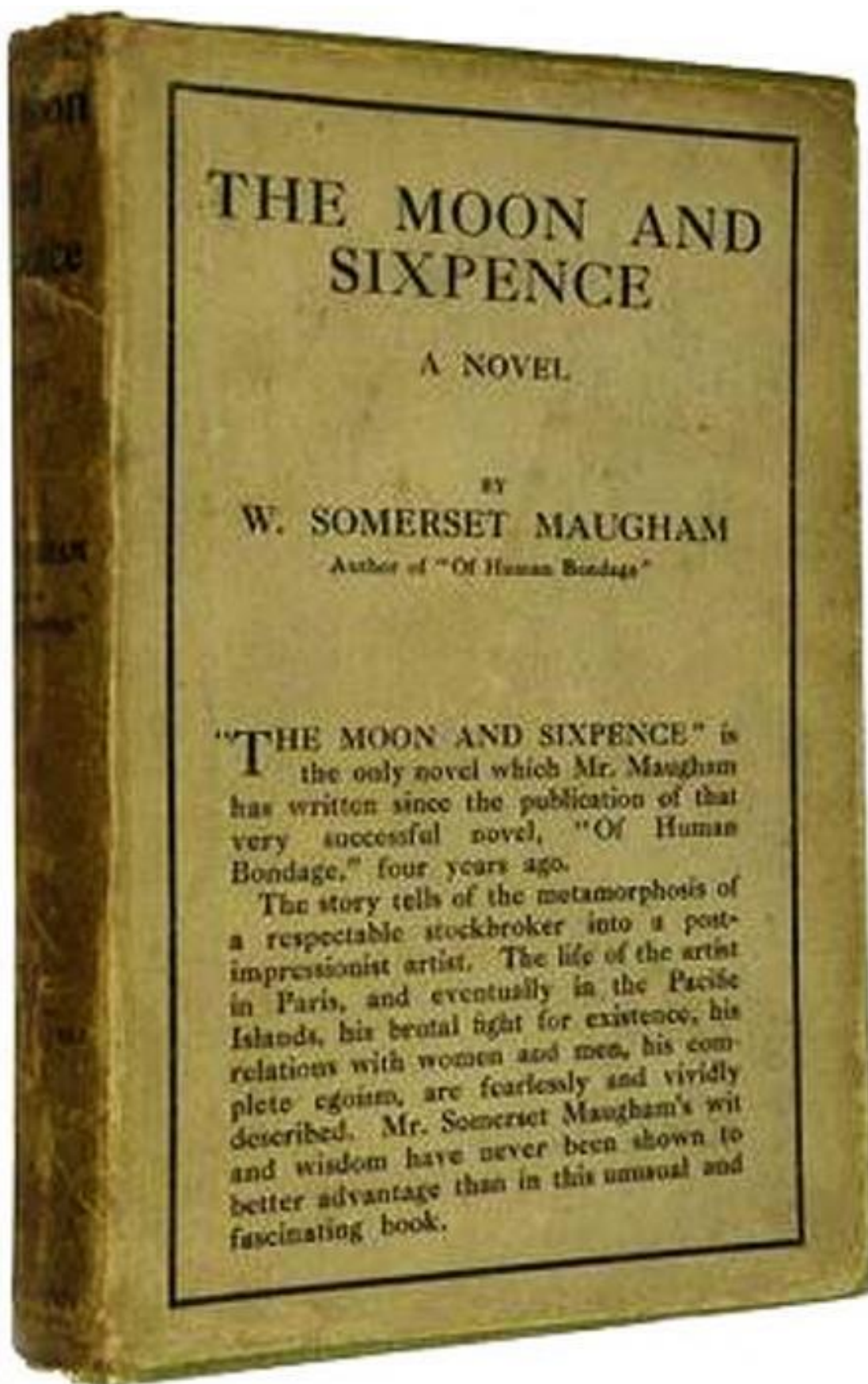
Давно пора.

Ректор

В мировой культуре существует популярный сюжет, который можно назвать «луна и грош» – мотивирующие рассказы о том, что никогда не поздно начать жизнь заново.

Очень популярный в позднем Советском Союзе роман Сомерсета Моэма «Луна и грош», как известно, рассказывает о благонамеренном буржуа, биржевом маклере Чарльзе Стрикленде, который в 40-летнем возрасте бросил все, включая жену и детей, чтобы профессионально заняться живописью. И пусть признание к нему пришло только после смерти, бывший «брокер» успел прожить вторую жизнь, в которой он больше не менял ежедневно Луну на медный грош.

Сюжет, действительно, весьма распространенный, и примеров в истории можно вспомнить немало – от художника Поля Гогена, который, собственно, и был прототипом моэмовского героя, до шведской домохозяйки Астрид Линдгрэн, выпустившей свою первую книжку в 37 лет.

Обложка первого британского издания книги

Общим во всех этих случаях было только одно – герои этих историй почти всегда реализовывались в области искусства, и практически никогда – в науке.

Потому что наука, в отличие от искусства, дама чрезвычайно ревнивая. От своих рыцарей она требует поклонения с малых лет и до седых волос, а измен не прощает.

В науке время – это тоже капитал. Ученый в возрасте не факт, что умнее более молодого, но он почти наверняка более знающий. Просто у него было несколько лишних лет. Несколько лет на то, чтобы начитать нужную литературу, провести необходимые эксперименты, увидеть проблему во всем ее объеме и сделать нужные выводы.

Время – это капитал, а научный поиск – это гонка за лидером. Если ты выпал на несколько лет – ты отстал и, скорее всего, отстал безнадежно. Те, кто шли с тобой параллельными курсами, за этой время ушли далеко вперед и тебе их уже не догнать.

Поэтому в науке практически не бывает Гогенов и Линдгрена. Исключения чрезвычайно редки.

Но все-таки встречаются.

И один из них – мой герой.

Второй и последний ректор Московской горной академии Иван Михайлович Губкин был самого что ни на есть простонародного происхождения. Он родился в 1871 году в селе Поздняково Муромского уезда Владимирской губернии и был внуком волжского бурлака и сыном бедного крестьянина-поденщика. В семье было пятеро детей, из них грамоте выучился только Иван.

Но он не просто выучился грамоте, а после сельской школы сдал экзамены и поступил за счет земства в Киржачскую учительскую семинарию, которую окончил в 1890 году. После чего получил место учителя в дальнем селе Жайское, и приступил к работе. Как писал новоиспеченный педагог, вскоре выяснилось, что *«за стипендию в учительской семинарии в 6 рублей 57 копеек я должен был 5 лет отработать народным учителем»*.

Он честно и отработал – сначала в селе Жайское, а потом в муромском селе Карачарово.

Вы наверняка помните хрестоматийное былинное: *«Из того ли то из города из Муroma, из того села да Карачарова выезжал удаленький дородный добрый молодец...»*

Из-за этого самого села Карачарова, где Губкин отработал несколько лет, редкий его биограф удерживался от сравнения с Ильей Муромцем, который сидел сиднем тридцать лет и три года, а потом встал – и ух!!!

Именно так и получилось в этой истории. В том самом Карачарове никому не известный сельский учитель вел обычную для человека своей профессии жизнь – учил детей, в свободное время рыбачил на Оке, читал книги и газеты, а чтобы совсем не скиснуть и не отупеть, периодически писал статьи об обучении на селе в журнал «Образование».

Казалось, жизнь состоялась, понятна и расписана на десятилетия вперед, отец с матерью гордились выбившимся в люди сыном...

Но тут Иван Михайлович случайно обнаружил у местного священника оставленные уехавшим в Сибирь родственником книги по геологии. Начал от скуки их читать – и навсегда заболел этой наукой.

Отработав положенный «по распределению» срок, Губкин бросает службу и собирается поступать в Горный институт. Но тут выяснилось, что после учительской семинарии он может поступить только в учительский институт, да и то без стипендии – «своекоштно», за свой счет, иначе говоря.

В 1895—98 годах будущий создатель отечественной «нефтянки» учился в Петербургском учительском институте, а затем работал преподавателем городского училища в Петербурге. Женился, вскоре родился сын, и как они жили эти годы – лучше не вспоминать. Сни-

мали самые убогие углы, чтобы меньше платить за квартиру, вместе с женой подрабатывали ненадежной профессией репетитора. Но это было неважно, потому что впереди была Мечта. Именно так – с большой буквы.

Кстати, после учительского института в Горный тоже не брали – абитуриентом можно было стать только с аттестатом о полученном классическом образовании.

И вот на 33 году жизни наш Илья Муромец все-таки сдает экстерном экзамены за гимназический курс вместе с мальчишками-гимназистами и получает аттестат зрелости Императорской Николаевской Царскосельской гимназии.

После чего отправляется поступать в Горный институт, где на пятьдесят вакансий подавалось шестьсот-семьсот прошений.

Он поступил.

В 1903 году Иван Михайлович стал студентом Петербургского горного института, а в 1910 году закончил его с отличием. Имя Ивана Губкина в числе лучших выпускников было занесено на мраморную доску института.

В 39 лет он начал карьеру геолога, и был зачислен научным сотрудником Геологического комитета. А в 40 лет он впервые увидел нефть – работая на Кавказе, в Майкопском и Грозненском районах.

Великовозрастный студент Иван Губкин в 1908 году.

Губкин, как человек, выстроивший свою жизнь с нуля, прекрасно понимал, что его срок жизни в науке в сравнении с другими – уполовинен, он только выходит на старт в возрасте, когда другие уже становятся мэтрами и профессорами.

Именно отсюда истоки его дикой, невероятной работоспособности. За первые годы в науке исследованиями грязевых вулканов Азербайджана и нефтяных месторождений Северного Кавказа он, как тогда говорили, «составил себе имя». И в 1917 году Временное правительство направило перспективного, хоть и немолодого геолога в командировку в США «для изучения положения в нефтяной промышленности».

Обратно в 1918 году ему пришлось возвращаться совсем в другую страну.

В страну, где отчаянно не хватало всего – власти, товаров повседневного спроса, легитимности, денег, общественного согласия, специалистов, еды, стабильности и много-много другого.

Но для Губкина была актуальна нехватка только одного компонента – топлива.

Начавшаяся Смута обратила всеобщее внимание на одно неприятное обстоятельство – вся топливная добыча в бывшей империи осуществлялась на ее окраинах. Которые, в полном соответствии с традиционным сценарием развития Смуты, отвалились первыми. Национальные меньшинства начали бузотерить, из-за чего метрополии оказались недоступны и донецкий уголь, и бакинская и грозненская нефть.

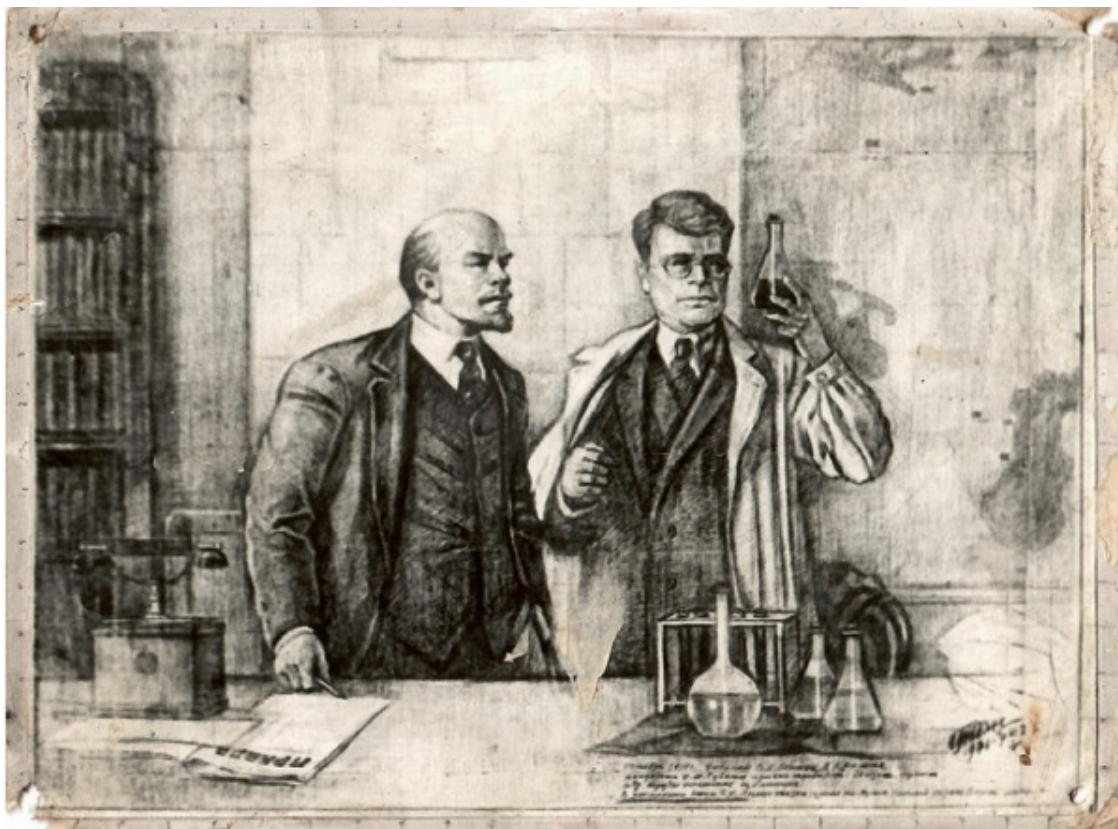
Топить было нечем.

Выражение «топливный голод» не сходило с газетных передовиц. Дело доходило до абсурда – в некоторых регионах жгли в печах сушеную рыбу, поскольку больше никакого топлива не было.

Советское правительство в поисках альтернативы хваталось за любые соломинки. В газете «Экономическая жизнь» шла дискуссия «Об использовании шишек хвойных деревьев». Геологи вспомнили об ухтинской нефти, которая вроде как есть, но ее так и не разведали толком при царе-батюшке, поэтому сколько ее там – темна вода. В итоге на Печору Советом народных комиссаров была направлена геологическая экспедиция – в 1919 году! – работа которой, правда, была сорвана начавшейся Гражданской войной и развернувшимися в регионе боевыми действиями.

Вспомнили и о горючих сланцах, которых в Центральной России довольно много. Как писал автор биографической книги о Губкине Яков Кумок: *«Горючий сланец приобрел в ту пору значение небывалое; никогда прежде и никогда после с ним не связывалось столько надежд; в страшные месяцы зимы 1918/19 года многие усматривали в нем спасение новорожденного государства. Темно-серая (иногда коричневая, синеватая, бурая) порода, издающая при разломе терпкий дегочный дух, не соблазняла русских промышленников, избалованных цистернами с превосходным бакинским горючим. Попытки утилизации сланца за рубежом производились, но без громкого успеха».*

Именно по поводу сланцев Губкин встречался с Владимиром Ильичом Лениным, и тема эта увлекла вождя большевиков чрезвычайно.

И.М. Павлов «Академик И.М. Губкин на приеме у В.Л. Ленина в Кремле»

Как вспоминал впоследствии сам Иван Михайлович: *«Тов. Фотиева несколько раз входила, давая понять, что пора нашу беседу кончать, ибо Ильича в приемной ждало еще много народу. А мы в это время демонстрировали перед Ильичом бензин, керосин, полученные из*

сланцевой смолы, парафин, полученный из сапропеля. Владимир Ильич сразу оценил своим прозорливым умом, какое значение могут получить горючие сланцы и болотный ил гниения (сапрпель) в экономике нашей страны, и обещал полную поддержку новому делу. При прощании со мной он дал мне право обращаться прямо к нему в случае возникновения важных, безотлагательных дел. Об этом он всегда помнил. Я этим правом не злоупотреблял и беспокоил Владимира Ильича только в исключительных случаях, когда без его помощи нельзя было обойтись».

Вскоре был создан Главсланец (Главный сланцевый комитет) во главе с Губкиным.

Помните «дважды пленного» профессора Эрасси, который постоянно оказывался за линией фронта? Оба раза он производил разведку сланцевых месторождений для этого самого Сланцевого комитета.

Но одними сланцами дело не ограничилось.

Губкин был не просто знающим геологом – он обладал очень цепким крестьянским умом и умел мыслить стратегически, на годы вперед.

Поэтому одним из первых оценил перспективы, которые получает геология при новом государственном строе: после национализации всех земель и недр, с курсом на индустриализацию, которая потребует невероятных объемов природных ресурсов, с возможностью централизованного государственного финансирования самых масштабных работ по геологоразведке...

От перспектив просто кружилась голова, и Губкин почти сразу после возвращения пишет и публикует программную статью «Роль геологии в нефтяной промышленности».

Как писал тот же Кумок: *«Невиданный доселе и при капитализме невозможный разворот разведочных изысканий, сотни экспедиций, тысячи отрядов, подчиненных строгому плану, многообразие методов исследования, согласование поисковых планов с будущими народнохозяйственными потребностями (ведь геология должна обгонять поступь промышленности; прежде чем развивать какую-нибудь отрасль, например химическую, надо знать, подготовлены ли под нее, как выражаются экономисты, запасы) – вот некоторые черты, присущие советской геологической науке. И они впервые были разработаны и сформулированы в небольшой статье, написанной Губкиным через несколько недель после возвращения на родину».*

Иван Михайлович не просто занимался добычей сланцев – он создавал стратегию развития советской «нефтянки» и советской геологии.

Он работал с интенсивностью впряженного в плуг носорога. Он не просто набирал должностей в погоне за пайками – он «тянул», давал результат везде, где впрягался. Никто не знал, как это ему удается, но он как-то умудрялся успевать.

Неудивительно, что карьера Губкина в первые годы Советской власти не просто успешно развивалась – она взлетела ракетой, ушла вверх практически вертикально.

Войдя в 1918 г. по указанию В. И. Ленина в комиссию Главного нефтяного комитета, Губкин до конца жизни занимал руководящие посты в центральных учреждениях, ведавших нефтяной промышленностью и геологической службой СССР.

В анкете для Московской горной академии в середине 20-х годов ректор МГА Губкин сообщил, что он одновременно является:

- членом Госплана,
- заместителем директора Геолкома,
- заместителем начальника Главного геологического управления,
- председателем Совета нефтяной промышленности,
- председателем Особой комиссии по Курской магнитной аномалии,
- председателем Главного сланцевого комитета
- директором правления сланцевой промышленности.

В Московском отделении Геолкома Губкин состоял членом Совета и председателем секции прикладной геологии.

В Главном нефтяном комитете был заведующим тремя отделами:

- заводским,
- геологоразведочным
- и статистическим.

12 должностей. Плюс руководство созданным им журналом «Нефтяное и сланцевое хозяйство» (с 1925 г. «Нефтяное хозяйство»), плюс руководство Государственным исследовательским нефтяным институтом.

Думаю, теперь вы не удивитесь, узнав, что на предложение Ключанского пригласить для работы в МГА Губкина Н.М. Федоровский в декабре 1919 года убежденно заявил, что Губкин

«занят во многих советских учреждениях и потому не в состоянии принять участие в работах Академии».

«ОХОТНИКИ»

Ключанский и Губкин познакомились на заседаниях Особой комиссии по Курской магнитной аномалии. Поскольку рассказывать о Губкине, и хотя бы тезисно не упомянуть Курскую магнитную аномалию – поступок как минимум странный, я очень коротко поведаю об этом проекте.

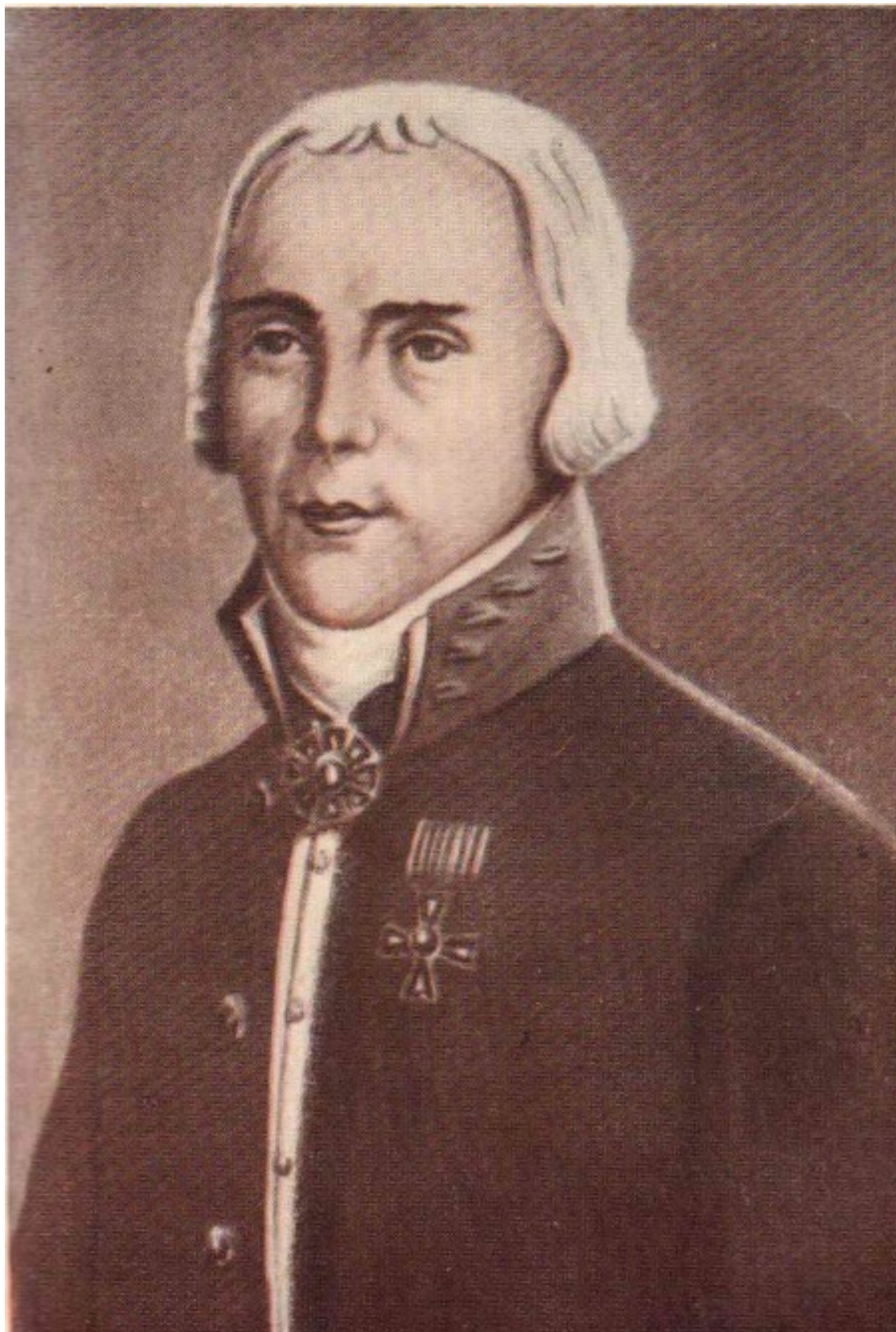

Экспозиция Музея Курской магнитной аномалии в г. Губкин.

Но это будет именно что пара слов. Поскольку про историю открытия самого мощного железорудного бассейна на планете Земля можно (и нужно) писать отдельную книгу. Причем в жанре детектива.

Потому что это и есть остросюжетный геологический детектив, написанный самой жизнью.

В этой книге кто-нибудь напишет о том, что, по совести, Курская магнитная аномалия должна называться «Белгородской магнитной аномалией». Именно в окрестностях города Белгорода во второй половине XVIII века известный ученый-астроном, академик Петербургской Академии наук Петр Борисович Иноходцев обнаружил любопытный феномен – стрелка компаса вместо севера показывала куда-то в сторону албанской столицы.

Петр Иноходцев

Это открытие, правда, быстро забылось, никого толком не заинтересовав, но там же, в пригороде Белгорода, произошло и второе открытие аномалии. Примерно столетие спустя, в 1874 году, приват-доцент Казанского университета И.Н. Смирнов на юго-восточной окраине

города, на холме близ дороги на Харьков обнаружил поразительные величины отклонения магнитной стрелки.

Но аномалию назвали по имени не города, а губернии. Ну и где справедливость?

В этой книге будет и о первом исследователе Курской магнитной аномалии, приват-доценте, а позже профессоре Харьковского университета Николае Дмитриевиче Пильчикове. Который не только первым начал проводить систематические исследования феномена, но и первым дал правильный ответ, утверждая, что причина аномалии – залегающие под землей огромные пласты железной руды.

Николай Пильчиков

Подозреваю, что Пильчиков, совершенно забытый ныне на родине, был гением. Достаточно сказать, что КМА – лишь одно из его исследований, и не самое громкое. К примеру,

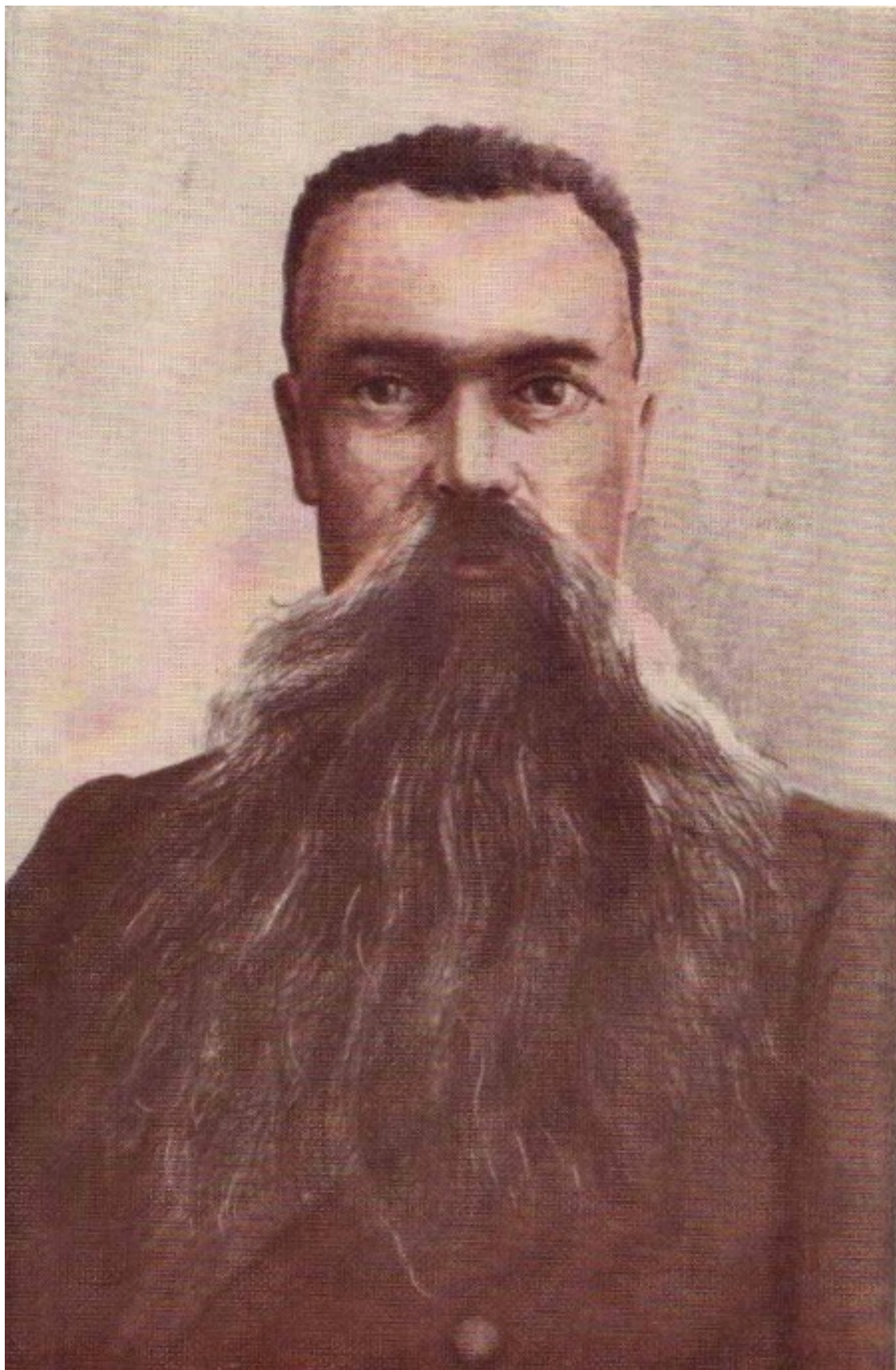
он был одним из пионеров исследования радиоволн, и 25 марта 1898 года в Одессе профессор Пильчиков демонстрировал совершенно поразительные результаты своей работы в этом направлении. Не покидая стен демонстрационной аудитории, он с помощью направленных радиоволн зажигал огни маяка, заставлял пушку стрелять, подорвал небольшую яхту и даже перевел семафор на железной дороге.

Именно тогда профессор предложил военному ведомству финансировать работы над прибором, дающим *«возможность взрывать заложенные мины на значительном расстоянии, не имея с ними никакого сообщения кабелем или проволокою»*. Однако работы над изобретением радиомин были прерваны самым ужасным образом – ученый застрелился, проходя лечение в клинике у известного харьковского психиатра Ивана Платонова. Но исследования Пильчикова были продолжены, в 1925 году в Советском Союзе была создана первая беспроводная мина. А во время войны, в 1943 году, из Воронежа по радио подорвали штаб генерала фон Брауна, находившийся за линией фронта – в родном для изобретателя Харькове, пребывающем под немецкой оккупацией.

В этой ненаписанной книге обязательно рассказывалось бы и про приезд командированного Парижской академией наук научного светила первой величины, ведущего магнитолога мира, директора Парижской обсерватории профессора Мура. И про срочную телеграмму, отправленную им по итогу визита в Парижскую Академию наук с сообщением о том, что увиденные им аномалии переворачивают *«кверху дном теорию земного магнетизма»*.

И про сопровождающего француза профессора Московского университета Эрнеста Егоровича Лейста, «заболевшего» после этого Курской аномалией и ставшего главным «сыщиком» этого длинного дела.

Человеком, положившим много лет на загадку Курской магнитной аномалии, работавшим «из интереса» и принципиально не берущим денег. Заказчики исследований оплачивали материалы, оборудование, тратились на жалование помощников, но ни копейки не ушло на оплату труда профессора.

Эрнест Лейст

Там будет и про Великую Научную Дискуссию со взаимными оскорблениями между магнитологами и геологами. Дискуссию, в которой первые обещали 225 миллиардов (миллиар-

дов!) пудов железа, а вторые ошалело таращили глаза и крутили пальцем у виска. Признаюсь честно, столь высоким накалом производимой исследователями полемики российская наука не часто могла похвастаться.

Разумеется, не обошлось бы и без описания «железной лихорадки», начавшейся в Курске, Орле и Белгороде. Как писал современник, крупный российский промышленник и предприниматель Николай Федорович фон Дитмар:

Николай фон Дитмар

«Ненормальное возбуждение проглядывало во всем... Было вполне очевидно, что в Курской губернии в то время, кроме аномалии магнитной, появилась более сильная и вместе с тем более опасная аномалия – душевная. Говорили про одного помещика, что он прежнюю скромную жизнь внезапно переменил на широкую и безумно расточительную, объясняя, что все расходы ему вознаградит магнитный железняк. Другой помещик, будучи доставлен в больницу душевнобольных, беспрерывно падал на пол или на землю, утверждая, что земля его притягивает».

Именно фирма Дитмара, кстати, и вела буровые работы, которыми руководил Лейст, а оплачивала Курская земская губернская управа. Работы, завершившиеся полным и звучным фиаско, злорадным смехом геологов и конфузом магнитологов. Поражение «железничников» было настолько громким, что тема «курского железа» была жирно вычеркнута из повестки дня, причем надолго – на четверть века.

Оконфузившегося профессора Лейста курские помещики прокляли, заклеямили и осви- стали. Коллеги сторонились, как будто он был носителем бубонной чумы.

Но упрямый немец Эрнест Егорович не сдался. Он продолжил свои полевые наблюдения над магнитными аномалиями на свои скромные средства – и вел их не год, не два, а больше десяти лет. К 1910 году в его архиве было около 200 тысяч показателей, полученных в результате 4121 наблюдения.

Его сольные экспедиции были полны сюрпризов. Курские помещики, ненавидевшие его лютой ненавистью, постоянно «стучали» на него в полицию, из-за чего профессор уже сбился со счета – сколько раз его арестовывали за бродяжничество «до выяснения обстоятельств». В годы первой русской революции бунтующие крестьяне приняли слонявшегося по полям боро- датого барина за землемера и потребовали немедленно и по совести разделить конфискован- ную «восставшим народом» помещичью землю.

Но русский немец все равно упрямо приезжал в Курск каждую весну и вел исследования до осенних затяжных дождей.

И только в десятые годы Эрнест Егорович закончил, наконец, полевые исследования и занялся обобщением и осмыслением собранного уникального материала. Но тут началась война, а потом – революции.

В начале 1918 г. Лейст доложил о результатах своих исследований по изучению Курских магнитных аномалий на заседании в Физическом институте. После чего оставил готовую руко- пись книги «Курская магнитная аномалия» своему другу профессору Петру Лазареву, попро- сив опубликовать ее в Академии наук – а сам уехал на лечение на курорт Наугейм-Бад в Герма- нии. Да, да, тому самому профессору Лазареву, который появляется в этой книге не в первый, и даже не в третий раз.

Петр Лазарев

Хуже всего было то, что свой бесценный архив профессор Лейст увез с собой, намереваясь поработать с ним в Германии. Хуже – потому что в августе 1918 года профессор Эрнест Егорович Лейст скоропостижно скончался, а результат его почти 20-летней работы по замерам на территории Курской магнитной аномалии бесследно исчез.

Вторая часть этой детективной истории начинается с того, что через несколько месяцев после смерти Лейста в Москве появляются представители крупного консорциума из Берлина. Немцы пробиваются на прием к большевистским вождям, и на хорошем русском языке говорят примерно следующее – господа большевики, вашу власть никто не признает, но мы готовы разрушить круговую поруку этого всеобщего бойкота. За это руководство нашего концерна просит у Советской власти всего лишь концессию на право добычи полезных ископаемых в районе Курской магнитной аномалии. Лет эдак на десять, на льготных условиях. Что скажете, господа большевики?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.